

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-1-17-27

Чекулай И.В.
Прохорова О.Н.

СЕМАНТИКА «ВЕТРА» В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия, chekulai@bsu.edu.ru

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия, prokhorova@bsu.edu.ru

Аннотация: В статье рассматривается система метафорических переосмыслений слов, передающих семантику ветра, и их семантической роли в качестве компонентов фразеологических единиц в русском языке. Материалом, иллюстрирующим основные положения статьи, являются цитаты из классических и современных произведений русской литературы, в которых прямо или косвенно отражается семантика ветра. Делается вывод о том, что метафорический потенциал таких лексем создаёт широкие возможности их образного использования в стилистических и иных прагматических целях. Этот потенциал обусловлен универсальной ролью ветра в жизни любого народа Земли и, в частности, ассоциативными связями между ветром и высокими по интенсивности и глубине физическими, индивидуальными и социальными явлениями, важными с точки зрения русского языкового социума. Это отражается в появлении многочисленных метафорических моделей, которые в дальнейшем могут развиваться в достаточно многочисленные фразеосемантические модели, интенсивно используемые в языке для производства различных прагматических эффектов.

Ключевые слова: метафора; метонимия; образ; область-источник; фразеология.

Chekulai I. V.
Prokhorova O. N.

THE “BETEP” SEMANTICS IN THE RUSSIAN LINGUISTIC
AND CULTURAL SPACE

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, chekulai@bsu.edu.ru
Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, prokhorova@bsu.edu.ru

Abstract. The article deals with the system of metaphorical interpretations of the words with the content of wind and their semantic role as the components of phraseological units in the Russian language. The material illustrating the main positions of the article is represented by citations from the classical and modern works of the Russian literature which more or less directly reflect the semantics of wind. The conclusion is made that the metaphorical potentials of such lexemes create abundant possibilities for their figurative use for the stylistic and other pragmatic purposes. This potential is determined by the universal role of the wind in the life of any people and, in particular, by the associative ties between the wind and the highly intensive and deep physical, individual and social phenomena important from the Russian language community point of view. This can be noticed in the emergence of numerous metaphorical models which can further be developed into numerous phraseo-semantic models which are characterized by their intensive use for creating different pragmatic effects.

Key words: metaphor; metonymy; form; source domain; phraseology

В качестве эпиграфа к данной статье можно
взять всем известные строки А.С.Пушкина:

«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе.
Не боишься никого,
Кроме бога одного».

Именно ветер – это та стихийная сила, которая проникает во все возможные места земной поверхности, открытых небесной тверди. Объективно во многих случаях ветер является не только результатом действия определённых климатических факторов, но и сам по себе является важным фактором формирования определённых погодных и климатических

условий. Ветер может быть и созидателем, если его грамотно ставит себе на службу человек (например, ветряные мельницы и прочие ветряные двигатели), но чаще он является природным разрушителем (например, в случаях эрозии почвы, разрушения гор). Именно по этой причине он находит своё место в качестве персонафицированной силы в мифологии и фольклоре разных народов.

Одним из первых упоминаний о ветре мы находим в древних сакральных текстах. Так, пророку Илие в пустыне Бог предстаёт в слабом дуновении ветра для того, чтобы дать ему наставления по дальнейшим действиям. Этот эпизод даётся в Главе 19 Третьей книги Царств:

(1) И сказал: выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдёт, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра.

Примечательно, что в данном эпизоде ветер актуализируется дважды – и как сильное, интенсивное движение воздуха, и как слабое, тихое.

В мифологии древних греков богом ветров является Эол, предположительно являющийся сыном такого важного бога, как Посейдон, морской бог. В его «ведении» находятся ветры четырёх сторон Земли, дети бога звёздного неба Астрея, тоже полубога: Борей (северный ветер), Нот (южный), Зефир (западный) и Эвр (восточный) [1]. Такой «половинчатый» с точки зрения олимпийской иерархии статус как самого Эола, так и находящихся в его ведении ветров, предполагает между ними не отношения повелителя и его слуг, а, скорее, «прораба» и «работников». Это отношение остроумно обыграно в юмористической поэме «Энеида» (где боги греческого пантеона предстают как типичные украинские мещане со своими недостатками (например, Зевс – пьяница, Нептун – взяточник и т.п.)) украинского писателя XIX века И.П. Котляревского, когда Юнона (древнегреческая Гера) пришла с угощением к Эолу, чтобы он разбросал корабли спасшихся троянцев, Эол отвечает ей следующее:

(2) «Гай, гай! Ой, дей же його кату! -

Еол насупившись сказав. -

Я все б зробив за сюю плату,

Та вітри всі порозпускав:

Борей недуж лежить з похмілля,

А Нот поїхав на весілля,

Зефір же, давній негодай,

З дівчатами заженхався,

А Евр в поденщики найнявся, -

Як хочеш, так і помишляй!».

Доктрина единобожия, победившая в Средние века, сменила и тот фрагмент языковой картины мира, в которой существовало представление о ветре как не только определяющей повседневные условия нашей жизни, но и мыслящей, творящей субстанции. Однако высокий метафорический потенциал лексем, передающих структуру знаний ВЕТЕР, обусловил их активное использование в непрямом и фразеологически связанном значениях в разных языках мира.

В обыденном сознании номенклатуре ветров, имеющих различные пространственные и качественные характеристики, мы уделяем достаточно мало внимания. Тем не менее, для ряда профессий, связанных с непосредственным нахождением в природной среде (авиаторы, моряки, рыбаки, охотники и др.), это имеет существенное значение. В этом плане примечателен эпизод из рассказа К.Г. Паустовского «Амфора», в котором болгарский рыбак объясняет писателю названия различных ветров. Авторские комментарии к этому объяснению представляются достаточно интересными именно с лингвистической точки зрения:

(3) Мы вернулись к очагу. Там сидели остальные рыбаки. Старик начал называть мне ветры. ... Старик поднял сухую руку, обязанную от ревматизма красной ниткой, показал на север и сказал:

– Драмудан!

В этом названии слышалась итальянская тремонтана – ветер, дующий с севера, через горы, через Альпы. У нас на Азовском море северный ветер тоже зовут «трамонтаном».

Старик показал на северо-восток. То был опасный, ненавистный рыбакам край горизонта.

– Греус! – сказал старик.

Греус – это наш норд-ост, наша бора. Ветер бешеный, беспощадный, мрачный, как предупреждение о смерти.

Так мы обошли со стариком весь горизонт. Он называл мне ветры и следил, чтобы я правильно записывал названия...

Юго-восточный ветер назывался «серекос». В наименовании этого сухого ветра узнаешь знакомое слово «сирокко». А летом этот ветер называется по-иному и притом так, что имя его вызывает невольную улыбку. Он знаком нам с детских лет, этот ветер, знаком еще по стихам Пушкина и потому кажется особенно милым. Летом этот ветер называется. «зефир».

– Зефиры очень мягкие, тихие, ласковые ветры, – сказал старый рыбак. – Зовут их также

«мельтемями». Они не бьют в лицо, как грубые ветры, а ласкают его, будто машут большими веерами.

Я подивился живучести некоторых слов. Зефир живет сотни лет, а вот борей давно умер. Причины этого не разгадает, видимо, ни один лингвист.

Ветер с северо-запада называется «маиструс». Не пришло ли сюда это название из далекого Прованса? Там по осеням и зима дует знаменитый мистраль...

Восточный ветер называется «леванти», южный – «лодос», а западный – «боненти» или «караэл» («черный ветер»). Действительно, это большей частью сырой и теплый ветер, несущий обложные дожди и покрывающий землю сумраком.

– А как по-вашему «штиль»? – спросил я старика.

– Так и будет – «штиль».

Он выговаривал это слово твердо, без мягкого знака.

– Но есть еще полный штиль. Он называется у нас «бунаца лада». Тогда море тяжелое и гладкое, как оливковое масло...

Несколько преобразованные под нормы смешанного русско-украинского говора болгарское название «маиструс» встречается также в романе В.П. Беляева «Старая крепость. Городок у моря», где название ветра является привычным для приазовских рыбаков и фактически используется в качестве фона для бытового повествования:

(4) Домик Турунды был расположен на самом берегу. Проходя во двор, я спросил:

– Не заливают волнами, когда шторм?

– Случается. Прошлой осенью майстра задул, и такие волны пошли, что стекло выбило водою. Моя жинка даже кур на чердак переселила, чтобы море не украло.

Как бы ни было, ветер является важной и неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, что и отражается в прагматических механизмах речевой деятельности в современных языках, в том числе и в механизмах метафорического и фразеологического переосмысления. Такая содержательная сущность ветра в повседневной жизни людей не могла не быть замеченной в исследованиях по семантике и прагматике единиц русского языка, что и обусловило ряд интересных исследований, посвященных данному объекту [3; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 11]. Заметим, что в этих исследованиях ветер рассматривается как природное явление само по себе, так и во взаимодействии с другими природными феноменами.

В исследовании ключевых образов в поэзии Н. Рубцова А. Г. Москалёвой и Е. А. Воробьевой подчёркивается мысль о том, что лексемы, актуализирующие концепт ВЕТЕР в поэтической речи, играют ведущую роль в эстетической реализации различных тем. В частности, лексема «ветер» создаёт, с одной стороны, эмоциональную ауру печали, грусти, задумчивости, а, с другой стороны, способствует реализации таких серьёзных тем, как «Родина», «память», «история народа» [3].

Исследуя характеристическую функцию номинативных предложений, передающих состояние окружающей среды, Н.И. Рябкова отмечает, что лексические единицы с семантикой «ветра», равно как и другие слова для описания природных явлений, наряду с бытийным значением передают и квалификативное значение, в составе номинативных предложений в художественных произведениях повышают художественную динамику этих произведений [5].

Анализируя фонетико-стилистические особенности стихотворения Ф.И. Тютчева «О чём ты воешь, ветер ночной?..», где в самом названии заложена персонификация ветра как неистового, хищного животного, И.В. Фоменко обращает внимание читателей на то, что в образе ветра передаётся широкая палитра явных и скрытых смыслов, вызывающая неоднозначное понимание и восприятие этих смыслов, что в рамках сравнительно небольшого поэтического произведения создаёт его полифонию, не уступающую многим романам [9].

К.М. Соливетти в исследовании структурно-семантической специфики повести Н.В. Гоголя «Шинель» отмечает важную роль семантики сильного ветра в создании общей образной сетки произведения. Она пишет, в частности: «В мотиве вьюги и ветра усматривается образ метафорического возмездия... Ветер порождает «вечные хлопоты», он «срывает маски», как и ночной мститель, «сдирающий со всех плеч, не разбирая чины и звания»... Возмездие оборачивается милосердием, а ветер – торжеством иного, высшего начала и иного суда» [7, с.225].

И это далеко не полный список научных работ, посвященных исследованию семантической и прагматической специфики лексических единиц для передачи образов в художественных произведениях на русском языке. На наш взгляд, столь пристальный научный интерес к языковым и речевым единицам, внутренняя форма которых основана на семантике ветра, во многом обусловлена специфическими структурно-семантическими и

функциональными потенциалами этих единиц. Рассмотрим эти потенциалы и средства их реализации подробнее.

В лингвокультуре русского языка ВЕТЕР как метафорическая область-источник является основой множества метафорических моделей. Основными являются, несомненно, модели семантические. Их можно разделить на модели эпитетов, модели сравнения, модели собственно метафорического переноса и модели фразеологизации. Собственно говоря, каждую из них можно рассматривать с позиций различения структурных и категориально-структурных моделей. Так, эпитеты с использованием этой лексемы можно разделить, во-первых, по их принадлежности к определённой части речи, или, точнее говоря, по их синтаксической функции. В этой связи можно выделить номинативные, глагольные и адвербиальные модели, в частности:

– номинативное использование лексемы с семантикой ветра в качестве эпитета предполагает её функционирование как имени существительного или прилагательного, например:

(5) Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства (Н.В. Гоголь. Мёртвые души) (в функции эпитета используется существительное «ветром»);

(6) Мягко мох на полянах, сладки ветреные грезы на опушках, хорошо голове полежать на ворохе шуршащих листьев... (В.С. Пикуль. Моонзунд);

(7) ...Ветровым шелестом-перешепотом поползла по хутору новость: "Митька Коршунов Сергея Платоновича дочку обгулял!" (М.А. Шолохов. Тихий Дон).

– глагольное использование лексемы с семантикой ветра в качестве стёртой метафоры, фактически приближенное по функции к стилистическому и прагматическому эффекту, производимому эпитетом:

(8) При взгляде на коваля у Петра выветрились из памяти Фомин и разговор с ним, он ускорил шаги с целью переговорить относительно перековки коня... (М.А. Шолохов. Тихий Дон).

(9) – Не спеши. Засиделся небось, проветришься. Только пей в норму, чтобы в комендатуре тебя не искать (В.Д. Успенский. Неизвестные солдаты).

(10) – Поковыряйте, поковыряйте, – сказал разозленный Бесстужев. – Ковыряйте в носу, пока палец не сломается. Только прежде, чем нос

чистить, надо бы голову проветрить (В.Д. Успенский. Неизвестные солдаты).

– адвербиальное использование лексемы с семантикой ветра в качестве эпитета. В этом случае используется преимущественно форма творительного падежа имени существительного, т.е. *ветром* в значении «как ветер». Здесь следует сразу же оговорить следующий момент. Слово *ветер*, являясь своего рода прототипической формой передачи семантики естественного движения воздуха в природе, предполагает наличие разных степеней своего проявления в форме таких синонимов этого слова, как *штиль*, *затишье*, *буря*, *шторм*, *ураган* и других (это, кстати, относится практически ко всем случаям образной актуализации семантики ветра в речи). Особенно в такой форме используются значения ветра большой интенсивности, в частности:

(11) Ругал себя за то, что не решился ночью ударить по немцам. Пронесся бы ветром на полной скорости, расколол бы из пушки три-четыре фашистские коробки, а потом ищи-свищи! (В.Д. Успенский. Неизвестные солдаты).

(12) Еще земля не просохла на могиле Кирилова, как бурей налетел на Оренбургский край Татищев:

– Плохо здесь все! Напортили тут... изгадили! (В.С. Пикуль. Слово и дело).

(13) Узнавши об этом, взбешенный артист ураганом налетел на дирекцию: – Ну вас к черту! Если у вас такие порядки, – я петь отказываюсь (В. Дорошевич. «Шалапин в «Scala»»).

Во-вторых, объектом маркированности определениями, по стилистической функции являющимися эпитетами, часто является само слово «ветер». При этом также следует выделять две структурно-семантические модели. Первая из них является просто эпитетом, т.е. красочным, образным определением к маркируемому данным стилистическим средством имени существительному (в нашем случае, имена существительные с семантикой ветра), например:

(14) А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер (В. Лебедев-Кумач);

(15) Спины казакам грело солнце. Подушки седел приятно потептели, бурые казачьи щеки увлажнял мокрогубый ветер (М.А. Шолохов. «Тихий Дон»);

(16) С юга дул теплый, ласковый ветер, на западе кучились густые, по-весеннему белые облака (М.А. Шолохов. «Тихий Дон»);

(17) Кораблей в эту пору в Новороссийске оказалось много. Жестокие, ножевые ветры рвали

на мачтах английские, американские и французские флаги, тоскливо свистели в крепко натянутых снастях (И.Я. Болгарин, Г.Л. Северский. «Адъютант его превосходительства»).

Вторая модель является расширенной, поскольку кроме собственно красочного определения к словам *ветер*, *буря* и др. эти слова детерминируются общим метафорическим контекстом, т.е. слово с семантикой ветра подвергается образному переосмыслению для обозначения какого-либо важного с точки зрения говорящего или пишущего предмета, явления, события, например:

(18) - А! Ты не знал! – вдруг петушиным голосом пропел старик. – Так вот я тебе скажу, чтобы ты знал: ты не плохой малый, но если при буре ты будешь тверд, как льдина, то при дуновении теплого ветра ты можешь растаять (А.К. Виноградов. «Осуждение Паганини»).

Следующим важным с точки зрения семантики типом прагматико-стилистического использования слов с содержательной составляющей движения воздуха в естественных условиях является использование ветра в качестве объекта сравнения с каким-либо лицом, предметом, явлением или событием. Здесь хотелось бы отметить, что собственно разделение семантико-стилистических особенностей исследуемой группы лексических единиц на эпитеты, сравнения и метафоры с одной стороны можно считать достаточно условным, если учесть, что авторы многих учебных пособий по стилистике языка и сравнения, и эпитеты относят к общей группе тропов – метонимической. С другой стороны, многие авторы подчёркивают достаточно чёткое разделение указанных средств, а, например, А.Н. Мороховский сравнение вообще выносит из метафорической группы в группу фигур семантического тождества [6]. Учитывая именно данную точку зрения, мы также будем рассматривать указанные средства как отдельные и в то же время активно взаимодействующие друг с другом, в то же время не упуская из виду то обстоятельство, что данные средства активно конвергируют друг с другом, и порой, как, скажем, в примере, предваряющем данный абзац, представляется достаточно проблематичным отделить эпитет от сравнения. В данном случае под стилистической конвергенцией мы вслед за А.Н. Мороховским понимаем одновременную актуализацию сразу нескольких стилистических средств в условиях единого стилистически значимого контекста [6].

Как было указано выше, ветер достаточно часто встречается в сравнениях, т.е. в структурах семантического сравнения с обязательным

использованием языковых маркеров ментальной операции сравнения. Т.е. союзов как, словно, будто, глаголов напоминать, походить на ..., выглядеть как... и др., в частности:

(19) Отхлынувшие немцы щепили ее палашами. Возле небольшого клина суглинистой невеселой пахоты грудились, перекипали, колыхаясь в схватке, как под ветром (М.А. Шолохов. «Тихий Дон»).

(20) Дробь мелкой дробы в общей смете
Вся жизнь, затерянная в свете,
Как бурей загнанной ручей (П.А. Вяземский. «Коляска»).

(21) Григорий видел, как, словно от ветра, дрогнули ее ресницы, и на миг ощутил пряный запах помады, исходивший от ее неблекнущих щек (М.А. Шолохов. «Тихий Дон»).

(22) Впечатление было такое, что он вовсе не целится. А фигурки слетали с барьера одна за другой, точно их сдувало ветром (И.Я. Болгарин, Г.Л. Северский. «Адъютант его превосходительства»).

(23) Ее выросшее за год тело наполняло его, как ветер, дующий в парус с благоприятной стороны (Р.И. Фраерман. «Дикая собака Динго»).

(24) Вдруг, точно ветер, пугливо пронеслось по рядам одно торопливое короткое слово: «Едет, едет!» (А.И. Куприн. «Поединок»).

Как представляется, во всех указанных примерах сравнение с действием ветра направлено непосредственно на какие-то предметы или явления. От них следует отличать сравнения с кем или с чем-либо, в плане содержания фактически являющегося объектом сравнения, но в плане выражения опосредованным иным предметом или явлением, как, например, в следующем случае:

(25) Сотни Рябчикова повернулись фронтом к Каргинской и, словно ветер листья, погнали обратно красноармейцев (М.А. Шолохов. «Тихий Дон»).

Комментируя данный пример, следует отметить, что ветром, несомненно, без учёта контекста погнало не красноармейцев, а листья, но общая содержательная структура высказывания в целом противоречит этому. Тем самым находит подтверждение постулат И.Р. Гальперина о том, что общее предметное или категориальное (т.е. семантическое) содержание высказывания не является простой математической суммой слов или словосочетаний, из которых оно состоит [2].

Переходя к рассмотрению непосредственно метафорического использования лексики с семантикой ветра в русском языке, считаем

необходимым подчеркнуть, что такие метафоры носят в первую очередь символический характер. Ветер воплощает в себе как объективные черты природной стихии, так и субъективные свойства, равно как и обертоны особых линий поведения, человека и иных живых существ. При этом ключевое значение имеет такой фактор, как интенсивность ветра. С этих позиций метафорические употребления исследуемых языковых единиц можно выделить метафоризации соответственно сильного и слабого ветра, равно как и многочисленные случаи метафорического переосмысления независимо от интенсивности ветра, хотя это деление также носит довольно относительный характер, что будет показано выше. При этом образуются более или менее устойчивые парадигматические модели на основании семантической сочетаемости лексем, стилистическим контекстом которых является метафора. Это своего рода клише-прототипы в когнитивно-лингвистическом понимании этого термина. В качестве прототипа они содержат определённую лексему, наиболее рекуррентно реализуемую в инвариантных контекстах, т.е. во многом по структурно-семантическим параметрам они схожи с фразеологическими моделями. Однако фразеологически связанными их можно считать лишь с большой натяжкой.

Метафоры слабого или, по крайней мере, неинтенсивного, неразрушительного ветра в качестве инвариантных содержаний являются следующими:

– лёгкий ветер свободен. Он, как кот, «гуляет сам по себе», не связан какими-либо обязательствами или путами, в его брожении нет конкретных целей, это своего рода бродяга без особых претензий или требований:

(26) Ветер по чистому полю
Лёгкой гуляет походкой... (Р. Рождественский. «Песня Яшки-цыгана» из к/ф «Неуловимые мстители»).

Такой ветер вне всякого сомнения маркируется положительным оценочным знаком, поскольку он приносит свежесть в жару, тепло во время суровых морозов. Очень часто у писателей обоих полов он ассоциируется с нежным любовником или любовницей противоположного пола, поэтому ветер в такой метафоре носит безусловно ярко выраженный антропоцентрический характер, и тем самым её использование обладает очень высокой образностью и экспрессивностью. Именно такой является расширенная метафора в повести К.Г. Паустовского:

(27) Я проснулся и долго лежал, не открывая глаз, ощущая у себя на лице чьи-то теплые ладони. От них пахло цветущей мимозой. Это был, конечно, утренний бриз. Он заполнил каюту, лениво бродил по ней и прикасался ко всему, что попадалось ему на пути, в том числе и к моим щекам. Сквозь полусон я вспомнил, что вот уже пятый день не брился и наверняка исцарапаю своей щетиной эти милые ладони. Мне стало стыдно, я решил тотчас побриться, и, должно быть, от этого окончательно проснулся (К.Г. Паустовский. «Бросок на юг»).

Тем не менее, ветер-«гуляка» не всегда может быть ласковым, что подчёркивалось выше. Обычно в поэтических контекстах он предстаёт как противоречивое, непоследовательное и в своём роде опасное создание. Например, именно таким он предстаёт в следующем стихотворении Галины Перекрёстовой:

(28) Ветер гуляет у нас во дворе,
Злится, командует, воет и стонет,
Холодом сеет, кричит и ворчит...

– ветер свободен, беззаботен и не связан какими-либо обязательствами или путами, ему никто не мешает и его не задерживает:

(29) Летел как-то по свету беззаботный ветер и песенку веселую насвистывал... (Начало сказки Н. Антоновой «Ветер и занавеска»).

(30) Порою ветер шаловливый
Разбудит листья, слышен шум,
И вдруг все стихнет — и на ум
Приходят сказочные дивы (И.С. Никитин.
«Смеркает день...»).

– тихий ветер задумчив и глубокомыслен, навеивает тихую грусть и заставляет задуматься над смыслом жизни:

(31) Ветер повеет — и в тучку скрывается
Полного месяца круг;
Медленно в мягкую тень погружается
Ближнее поле и луг (И.А. Бунин. «Месяц задумчивый...»).

Метафоры сильного ветра, шторма, бури, как нетрудно догадаться, знаменуют собой некоторую резкую смену состояний, настроений, обстановки в мире и в обществе:

(32) В дни, когда новое столетие стучалось властно в двери старинной Европы, Паганини ощущал на себе освежающее веяние бурных ветров и весь отдавался поискам нового музыкального мира (А.К. Виноградов. «Осуждение Паганини»).

Именно по этой причине такую метафору любили революционные писатели и поэты. В «Песни о буревестнике» М. Горький этой метафорой наполняет всё произведение, и, как

своего рода призыв к смене общественного устройства звучит известный призыв:

(33) Пусть сильнее грянет буря! (М. Горький. «Песня о буре известнике»).

Метафора сильного, беспорядочного ветра как символа меняющегося мира достаточно распространена и в прозаических произведениях, в том числе и в персонажной речи, например:

(34) Старик сказал:

– В страстном здании хасидизма вышиблены окна и двери, но оно бессмертно, как душа матери... С вытекшими глазницами хасидизм все еще стоит на перекрестке ветров истории (И. Бабель. «Конармия»).

Сильный ветер в отрыве от сложных общественных и международных обстоятельств может передавать и ситуацию переживания сильных, неоднозначных, как правило, отрицательных чувств и эмоций, быть их мотивным фоном, в частности:

(35) Буйный ветер играет терновником, Задувает в окне свечу...

Ты ушла на свиданье с любовником.

Я снесу! Я стерплю! Я смолчу! (А. Блок. «Буйный ветер»).

Таков далеко не полный список метафорического потенциала лексических единиц с семантикой «ветра» в русском языке. Но говоря об обширных и интенсивных семантико-прагматических потенциалах таких слов, нельзя забывать и о другой важной категориальной модели когнитивно-прагматического переосмысления, а именно, метонимии. Так, ветер может надувать паруса, кружить и вздымать листья, гонять пыль, уносить вдаль тучи, а движения этих предметов, производимое ветром. Является не менее образным, нежели собственно метафорическое использование слов с непосредственной семантикой движения воздуха. Выше в примере (25) уже было представлено подобное метонимическое переосмысление в сочетании с общим метафорическим контекстом. Также смешанной метафоро-метонимической текстовой моделью представлены такие названия произведений А. Грина «Алые паруса» и стихотворение «Парус» М.Ю. Лермонтова (затем взятое в качестве аллюзии в известном детском романе В.А. Катаева, где само название произведения является символом грядущих коренных перемен в жизни персонажей. Но данные примеры являются далеко не единственными:

(36) Звон отбиваемых кос, душный ветер, столбы пыли по степным дорогам – тяжёлое выдалось лето! (К. Г. Паустовский. «Аннушка»).

(37) Далекое стрекотанье мощного мотора крепло с каждой секундой – катер неумолимо нагонял парусник, в очередной раз демонстрируя преимущества двигателя внутреннего сгорания над романтикой парусов... (А.А. Бушков. «Пиранья». «Звезда на волнах»).

(38) Все вокруг свистело, дрожало, стонало, гнулось и несло в ту сторону, куда дул ветер. И только Марьин утес, парусом распустив над собой ветви осокоря, плыл и плыл навстречу бешеному ветру, ни разу не дрогнув, не покачнувшись, не повернув обратно (А. Иванов. «Тени исчезают в полдень»).

(39) В вечном волнении лист на ветру, трепет сомнения милому чужд: просто он маленький, лёгкий листок, словно зелёный сверху лоскуток, маялся - ветер затеял игру. (Н. Соллогуб. «Лист на ветру»)

Следует отметить, что данный принцип распространяется и на явления, основанные на образном сравнении, в частности:

(40) В зале задвигались головы, как шляпки подсолнухов, расталкиваемые ветром; набряк стон одобряющих голосов (М.А. Шолохов. «Тихий Дон»).

В исследовании семантики ветра в русистике важным представляется и словообразовательный аспект. Дело в том, что многие лексические единицы, образованные от основы «ветер-/ветр-», сами являются метафорическими переосмыслениями и выполняют важную, аксиологическую функцию в тех контекстах, которые направлены на выражение определённой ценностно-оценочной коннотации. Это такие слова, как «поветрие», «ветренный/-ая/-ое», «заветриваться» и другие. Например:

(41) Когда наступило поветрие защищать кандидатские диссертации, многие молодые научные работники нередко обращались к дяде Сандро с просьбой разъяснить внешние поводы некоторых дореволюционных, а иногда и послереволюционных княжеских междоусобиц (Фазиль Искандер. «Сандро из Чегема. Книга 1»).

(42) На верноподданных моряки смотрели как на последних идиотов. Это поветрие коснулось не только матросских кубриков, но и большинства кают-компаний (особенно на Балтике) (В.С. Пикуль. «Моонзунд»).

(43) Вывод такой банальный, что за него даже немного стыдно, – с течением времени всякие, даже самые нежные, страстные и искренние отношения могут слегка окостенеть, заветриться. Вот и самая частая причина супружеских измен – поиск новых ощущений.

(44) Я кружу напрапалую

С самой ветреной из женщин.

А я давно искал такую.

И ни больше, и ни меньше (И. Кохановский. «Бабье лето»).

Все изложенные выше факторы, формирующие обширную палитру образного речевого употребления лексических единиц обуславливают интенсивное функционирование описываемых выше единиц в такой подсистеме языковых единиц, как фразеосемантическая сфера. Эта сфера не менее сложна и многочисленна по количеству и прагматико-стилистическому потенциалу, нежели все описанные выше сферы. Например, даже такой фразеологизм, как «за семью ветрами» в значении «далеко», как было обнаружено, в современном русском языке встречается в самых различных типах текстов: во многочисленных, особенно самиздатовских, стихотворных произведениях, в поэтических произведениях песенного жанра (например, данное фразеологическое единство является заголовком для текстов разных песен в исполнении А. Лорак, группы «Оазис» («За семью морями/За семью холмами,/ За семью ветрами,/ Где, не знаю сам ...»)) в заголовках повести А.С. Ткаченко (А. С. Ткаченко. «За семью ветрами»), в публицистике (Т. Янукович. «За семью ветрами») и ещё в нескольких сотнях обнаруженных в Интернете случаев. Естественно, что в лимитированных рамках данного жанра научной прозы мы не смогли бы не только дать исчерпывающие классификационные основания фразеосистемы с компонентом «ветер», но и даже описать её состав в более или менее полном виде. Поэтому мы ограничимся лишь описанием семантико-прагматических характеристик лишь наиболее частотных из таких фразеологических единиц.

Начнём с наиболее нейтрального в метафорическом плане ФЕ «открытый (всем/многим) ветрам» как характеристике местности определённого типа, например:

(45) Городок стоит на большом холме, возвышаясь над окрестными лугами и полями. Открыт он для всех ветров – отсюда, наверно, и название: Одуев (В.Д. Успенский. «Неизвестные солдаты»).

В этом значении употребляется и более образный вариант:

(46) Город стоял на бою ветров: они дули либо с гор, либо с моря (Болгарин И. Я., Северский Г.Л. «Адъютант его превосходительства»).

В поэзии компонентный состав данной фразеологической единицы может подвергаться

переразложению (термин З.В. Тимошенко в [] для повышения экспрессивности, в частности:

(47) ... И выходит песня

С топотом шагов

В мир, открытый настежь

Бешенству ветров (Э.Г. Багрицкий. «Смерть пионерки»).

Другой достаточно частотной является междометная фразеологическая единица «Каким ветром!», как известно, выражающая удивление от неожиданной встречи и в зависимости от ситуации способная выражать различные положительные и отрицательные эмоции. Например, в представленном примере выражается неподдельная радость от случайной встречи на фронте:

(48) Красавец учитель будто помолодел.

Всплеснул руками, закричал радостно:

– Булгаков?! Каким ветром? К нам? Вот это новость! (В.Д. Успенский. «Неизвестные солдаты»).

В данном примере автор высказывания относится к встрече с определённой долей скептицизма:

(49) – Привет, – говорю. – Каким ветром ?

(В.И. Кунин. «Интердевочка»)

Не менее частотным является и весьма образная и обычно характеризующаяся отрицательной коннотативной семантикой фразеологическая единица «словно/будто ветром сдуло», которая означает быстрое, внезапное и обычно весьма своевременное для удалившегося исчезновение с места в ответственной или неприятной для данного субъекта действия ситуации:

(50) Славки уже и след простыл, его будто сдуло ветром, едва отец оказал о войне: мчался в город, на центральную улицу, к своим ребятам (В.Д. Успенский. «Неизвестные солдаты»).

(51) ... И посредине этого разгула

Я пощептал на ухо жениху,

И жениха как будто ветром сдуло...

(В.С. Высоцкий. «Смотрины»).

Данная фразеологическая единица может употребляться и для экспрессивного описания собственно физического действия:

(52) – ... От этого вина я в ту ночь до трех раз с коня падал! Только сяду в седло, и сызнова меня - как ветром сдует (М.А. Шолохов. «Тихий Дон»).

Фразеологическая единица «пускать по ветру» обычно предполагает безответственное или расточительное отношение к государственной или иной, в том числе

принадлежащей и самому субъекту, собственности. Обычно данное устойчивое словосочетание предполагает резко отрицательное оценочное отношение к тому, кто допустил такую трату:

(53) Десятки тысяч рублей стоит государству воспитание одного лейтенанта в училище – такую цифру услышал однажды Долгушин на совещании. И закричал: «Тьфу на эти деньги! Не рубли по ветру пускаем! Народное достояние! Души людские!» (А.А. Азольский. «Затяжной выстрел»).

(54) – Как же было дать вам бриллианты, когда вы пустили по ветру имение моей дочери? – спокойно и зло молвила старуха (И.Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев»).

(55) – Все равно этот ваш герильяс их пустит по ветру, на революцию или как там это у вас зовется... (А.А. Бушков. «Пиранья». «Первый бросок»).

Частный вариант «бросать слова на ветер» данной фразеологической единицы характеризует малоинформативное или бесполезное речевое действие. Такое употребление также характеризуется высокой частотностью употребления:

(56) – Да он мне ничего никогда не говорил! – Ну, тебе не говорил. А он зря слов на ветер не бросает... (Д.Д. Нагишкин. «Сердце Бонивура»).

В связи с данной единицей примечателен следующий пример из украинской художественной прозы, поскольку его употребление вполне возможно и в русском языке (оно и было переведено дословно). В данной ситуации молодая женщина разрывает документы на собственность, которая вынуждает её быть пособницей межгосударственной шпионской организации. В общем-то показанную в примере актуализацию можно считать вариантом именно данной фразеологической единицы по её функциональным характеристикам, хотя по формальным показателям она представляется скорее вариантом описанной выше ФЕ «за семью ветрами», в частности:

(57) – Лети за семи вітрами! – тихо прошепотіла Агнеса. «Мов лузга, що відлітає, лишаючи здорове зернятко... – подумав Григорій. – Сьогодні ти й Нунке пустила за семи вітрами...» (Ю. Дольд-Михайлик. «У чорних лицарів»).

«Пускать по ветру» может означать и намеренное, часто обусловленное идеологическими мотивами, обычно являющееся синонимичным глаголу «жечь; поджигать» уничтожение собственности врагов:

(58) Конная разведка первая вступила в покинутые противником хутора; а пока подходила пехота, Кошевой уже пускал по ветру самые богатые курени (М.А. Шолохов. «Тихий Дон»).

Весьма частотной как в художественной, так и в разговорной речи является и сравнительная по своим структурным параметрам фразеологическая единица «как ветер», способная как сочетаться с именами прилагательными («быстрый/пронзительный/стремительный, как ...»), так и употребляться в конструкциях с управлением глаголами движения («мчаться/лететь/бежать и т.п. как ...»), например:

(59) Нам подают "американки" [сани], он откидывается со мной назад, - и мы мчимся, летим, как ветер (И.С. Шмелёв. «Лето Господне»).

Высоким прагматическим потенциалом и достаточно высокой рекуррентностью характеризуется и устойчивое словосочетание, также основанное на сравнительной конструкции, передающее высокую степень свободы человека, а именно «свободный/вольный, как ветер». Иных смысловых вариаций данной единицы обнаружено не было.

(60) Во втором письме, датированном двумя неделями позже, Ира с какой-то странной интонацией сообщала: «Слава тебе, господи, я снова как ветер свободна!» (А. и Г. Вайнеры. «Эра Милосердия»).

Ещё одним достаточно частотным и в то же время образным и обладающим высоким иллюкутивным потенциалом, используемым для характеристики поведения или образа жизни определённого лица является инвариант фразеологической единицы, задаваемый словосочетанием «ветер в голове». Обычно данная фразеологическая единица служит средством передачи снисходительного или раздражённого отношения к лицу достаточно молодого возраста, как в следующем примере:

(61) – А ей и горюшка мало. Сказано, молодая да глупая. В голове ветер так и ходит! (А.П. Чехов. «Степь»).

Несколько менее частотным, но также достаточно распространённым в актуализации как в бытовом, так и в бытийном дискурсе, является инвариант «...ветер дует» с его вариантами «откуда ветер дует» и «куда ветер дует». Первый из них означает адекватное понимание сложной или проблемной ситуации и может характеризоваться как положительной, так и отрицательной оценочной коннотацией. В приводимом примере. Несмотря на внешнее одобрение умения характеризуемого персонажа ориентироваться в ситуации, оценочное

отношение говорящего является несомненно отрицательным, поскольку общий контекст высказывания характеризуется саркастическим тоном, тем более, что оно произносится в присутствии объекта оценочного речевого действия:

(62) – Еще бы ему не побледнеть, – хмыкнул Мазур, – он же сообразительный. Быстро приплюсовал два и два и понял, откуда ветер дует. (А.А. Бушков. «Пирания». «Первый бросок»).

Таков далеко не полный список достаточно частотных фразеологических единиц русского языка, компонентом которых является непосредственно слово «ветер», не говоря уже о таких его синонимах, как «буря», «смерч», «ураган», метонимически сопряжённых с «ветром» слов в таких фразеологизмах, как «без руля и ветрил», «на всех парусах», «бороться с ветряными мельницами» и др. Но и приведённые примеры показывают, насколько эффективен концептуальный фон лексемы, прототипически выражаемой словом «ветер» для создания образно-стилистических и прагматических эффектов.

Список литературы

1. Ветры в древнегреческой мифологии, 2016 г. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ветры_в_древнегреческой_мифологии (дата обращения: 20.02.2017).
2. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Просвещение, 1978. 336 с.
3. Москалёва А. Г. Семантическая характеристика ключевых образов в поэзии Н. Рубцова // Ярославский педагогический вестник. 2011. Том I (Гуманитарные науки). № 1. С. 169-171.
4. Преображенская А.А. Звук и смысл в стихотворении К. Бальмонта «Ветер». URL: [<http://balmontoved.ru/almanah-solnechnaja-prjazha/vypusk-3/chitaem-balmonta/172-aa-preobrazhenskaja-zvuk-i-smysl-v-stihotvorenii-k-balmonta-veter.html>] (дата обращения: 20.02.2017).
5. Рябкова Н.И. Выражение отношений характеристики в номинативных предложениях со значением состояния окружающей среды // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности. Материалы всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность». Екатеринбург. 2006. С. 183-186.
6. Смолина Н.Ю. Семантика мотива «дыхание» в контексте оппозиции «живое/мертвое» в лирике А. Блока // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 257-259.
7. Соливетти К.М. Повесть «Шинель»: семантика и структура. URL:

[<http://domgogolya.ru/science/researches/1131/>] (дата обращения: 20.02.2017).

8. Стилистика английского языка: под. ред. А.Н.Мороховского / А.Н.Мороховский, О.П. Воробьева, Н.И. Лихошерст, З.В. Тимошенко. Киев: Выща школа, 1991. 272 с.

9. Фатхутдинова В. Г. Словообразовательная детерминация лексемы «ветер» в русском и испанском языках: этнолингвистический аспект // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2015. С. 64-69.

10. Фоменко И.В. Семантика «пустого места» // Анализ одного стихотворения. «О чем ты воешь, ветр ночной?..»: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. С. 42-48.

11. Чуева Э.В. Структурно-семантические особенности слов-метонимов, обозначающих движение воздушных масс, в современном русском языке // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 248-253.

References

1. The winds in the Greek mythology, 2016 URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ветры_в_древнегреческой_мифологии (date of reference: February 20, 2017).
2. Halperin I.R. The stylistic of the English language. M.: Education, 1978. 336 p.
3. Moskal'yova A.G. Semantic characterization of key images in the poetry of N. Rubtsov // Yaroslavl Pedagogical Gazette. 2011. Volume I (Humanities). № 1. Pp. 169-171.
4. Preobrazhenskaya A.A. Sound and meaning in the poem of K. Balmont "Wind". URL: [<http://balmontoved.ru/almanah-solnechnaja-prjazha/vypusk-3/chitaem-balmonta/172-aa-preobrazhenskaja-zvuk-i-smysl-v-stihotvorenii-k-balmonta-veter.html>] (date of reference: February 20, 2017).
5. Ryabkov N.I. The expression of the relationships in the nominative proposals from the environmental value of the environment // Problems of conceptualization and categorization of linguistic reality. Materials All-Russia Scientific Conference "Language. System. Personality". Ekaterinburg. 2006. Pp. 183-186.
6. Smolin N.Y. The semantics of motive "breath" in the context of opposition to "live / dead" in the lyrics of Blok // The world of science, culture and education. 2014. № 3 (46). Pp. 257-259.
7. Solivetti K.M. The story "The Overcoat": semantics and structure. URL: [<http://domgogolya.ru/science/researches/1131/>] (date of reference: February 20, 2017).
8. The style of the English language: a. Ed. A.N. Morohovskogo / A.N. Morohovsky, O.P. Vorobyov, N. Likhosherst, Z.V. Tymoshenko. Kiev: Vysshaya School, 1991. 272 p.
9. Fatkhutdinova V.G. Word-formation determination token "wind" in the Russian and Spanish: ethno-linguistic

aspect // Herald of Vyatka State Humanitarian University, 2015. Pp 64-69.

10. Fomenko I.V. The semantics of "empty space" // Analysis of a poem. "What do you howl, night wind ..?": Coll. scientific. tr. - Tver: Tver. state. University Press, 2001. Pp. 42-48.

11. Chueva E.V. Structural-semantic features of words, metonymy, designating the movement of air masses in the modern Russian language // Bulletin of the University of Chuvashia. 2015. № 2. Pp.248-253.

Игорь Владимирович Чекулай

профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ», доктор филологических наук, профессор

Chekulai Igor Vladimirovich

Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University

Ольга Николаевна Прохорова

директор Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ», доктор филологических наук, профессор

Prokhorova Olga Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Cross-cultural Communication and International relations